

ЭКОНОМИКА БРИТАНИИ: АМБИЦИИ И СТРАТЕГИИ *THE UK ECONOMY: AMBITIONS AND STRATEGIES*

Антикризисная альтернатива Великобритании

*А.В. КУЗНЕЦОВ**

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович – доктор экономических наук, профессор Департамента мировых финансов, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49. E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

В статье рассмотрены факторы, обеспечивающие устойчивость воспроизводства британской социально-экономической модели в долгосрочной перспективе. Раскрыты некоторые особенности концептуальной роли Великобритании в формировании глобального мироустройства. Показано влияние ковидкризиса на экономику Соединенного Королевства и обобщены причины самого глубокого падения производства в истории страны. Представлены факторы хронического снижения производительности на британском рынке труда и стратегические подходы к разрешению данной проблемы. Обсуждены некоторые положения Соглашения о торговле и сотрудничестве между Великобританией и Европейским союзом. Проанализирована концепция суверенных денег как возможный ответ британских экспертов на вызовы современных кризисов.

Ключевые слова: социально-экономическое моделирование, финансовые инновации, технологические трансформации, ковидкризис, экономика Соединенного Королевства, производительность труда, промышленная стратегия, соглашение между Великобританией и ЕС, суверенные деньги.

DOI: 10.31857/S086904990013421-5

Цитирование: Кузнецов А.В. (2021) Антикризисная альтернатива в Великобритании // Общественные науки и современность. № 1. С. 105–116. DOI: 10.31857/S086904990013421-5

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета по прикладной научно-исследовательской теме: «Развитие валютного полицентризма и регионализации в процессе трансформации мировой валютно-финансовой системы».

The United Kingdom Anti-crisis Alternative

*Aleksei V. KUZNETSOV**

Aleksei V. Kuznetsov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of World Finance, Leading Researcher, Institute of World Economy and International Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 49, Leningradsky Prosp., Moscow, 125993, Russian Federation. E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

Abstract. The article deals with the factors that ensure the sustainability of the reproduction of the British socio-economic model in the long term. Some features of the conceptual role of the UK in the formation of the global world order were studied. The impact of the COVID-19 on the economy of the United Kingdom was shown and the reasons for the deepest decline in production in the history of the country were summarized. The factors of chronic decline in productivity on the British labor market and strategic approaches to solving this problem were presented. Some provisions of the Trade and Cooperation Agreement between the UK and the European Union are discussed. The concept of sovereign money is analyzed as a possible response of British economic experts to the challenges of modern crises.

Keywords: socio-economic modeling, financial innovation, technological transformation, COVID-19, UK economy, labor productivity, industrial strategy, EU-UK Trade and Cooperation Agreement, sovereign money.

DOI: 10.31857/S086904990013421-5

Citation: Kuznetsov A. (2021) The United Kingdom Anti-Crisis Alternative. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 105–116. DOI: 10.31857/S086904990013421-5 (In Russ.)

Великобритания выступает пятой экономикой мира по размеру ВВП [IMF 2020] и объему экспорта [The World Bank 2020], занимает первую в мире позицию по величине положительного сальдо торговли финансовыми услугами [TheCityUK 2020, p. 8]. Соединенное Королевство относится к одной из наименее регулируемых экономик [The World Bank 2019] и входит в пятерку стран по уровню развития инноваций, привлекая больше зарубежных инвестиции в НИОКР, чем многие крупные конкуренты, включая Германию, Францию и Китай [Cornell University, INSEAD, WIPO 2020]. Несмотря на демонстрацию столь высоких показателей, 2020 год ознаменовался для страны рекордным падением производства, вызванного крайне негативной реакцией рыночных структур на коронавирус и брекзит. В настоящее время правительство Великобритании реализует амбициозную промышленную стратегию, цель которой – превратить страну в наиболее инновационную экономику мира к 2027 г. Вполне вероятно, что осуществление намеченных структурных трансформаций и сохранение передовых позиций страны в мировой экономике потребуют от британских политиков обращения к проверенному временем опыту решения задач внутреннего развития за счет разработки инновационных подходов регулирования финансового сектора и их популяризации.

Синтез либерализма и дирижизма

По мнению президента Института Адама Смита М. Пирри, залогом успеха англосаксонской модели служат ее уникальные принципы – соперничества (*adversarial principle*) и эволюции (*evolutionary principle*) [Pirie 2010]. С учетом непреходящего влияния Великобритании на глобальное мироустройство трудно переоценить практическое воплощение данных принципов в жизнь. Именно Соединенное Королевство внесло значительный вклад в становление международной политической системы, формирование

экономического, финансового, научно-технологического, информационного и культурного облика современного мира.

Ценой поддержания внутренней политической устойчивости и влияния в международных отношениях было незыблемое сочетание либеральных и дирижистских методов в регулировании экономической активности [Reinert 2008]. Для предотвращения дестабилизации экономики после краха финансовой пирамиды Компании Южных морей в течение 100 лет (1720–1825 гг.) в Англии действовал закон, запрещавший создавать новые публичные акционерные общества. Британия активно пропагандировала либеральные идеи Адама Смита, хотя до середины XIX в. считалась страной, проводившей в отношении остального мира наиболее бескомпромиссную протекционистскую политику [Chang 2002]. После Второй мировой войны для компенсации утраченных колониальных доходов основные отрасли экономики (включая Банк Англии) были национализированы и введены чрезвычайные налоговые ставки (доходившие до 98%) на доходы наиболее богатых индивидов [Ликетти 2016, с. 501].

Одновременно британские политики работали над созданием наиболее благоприятного режима для притока в страну иностранных капиталов. В результате этой кропотливой работы появилась первая мировая валютная система с ключевой ролью фунта стерлингов и возник крупнейший международный финансовый центр в Лондонском Сити. После того, как в 1880 г. США опередили Великобританию по объему внешней торговли, фунт стерлингов еще более полувека сохранял статус ведущей резервной валюты. Так, в 1947 г. на него приходилось более 80% международных валютных резервов [Eichengreen, Chifu, Mehl 2014, p. 10] – иными словами, политика порой играет более важную роль, чем масштабы экономики, бизнеса и финансов.

Распад Британской империи, довершенный Суэцким кризисом, потребовал новых схем извлечения финансовых прибылей из остального мира. В период кризиса Бреттон-Вудской системы и нефтяных шоков 1970-х гг. символом финансовой либерализации стал лондонский Еврорынок, позволивший банкам принимать депозиты и выдавать кредиты в иностранных валютах в обход национальных законов и правил. В 1980-х гг. эстафету дерегулирования приняло правительство М. Тэтчер. Оно распространило действие неолиберальных принципов на биржевую торговлю, страховой и инвестиционный бизнес, что устранило всевозможные препятствия для масштабного притока в британскую экономику капиталов из других стран, прежде всего из США. В 1990-х гг. неолиберальная парадигма получила дальнейшее развитие в рамках доктрины «Третьего пути». Она фактически узаконила офшорную финансовую модель глобального рынка с ключевой ролью налоговых гаваней, наиболее значимые из которых находились в прямой или косвенной британской юрисдикции [Shaxson 2018]. Благодаря этим инновациям Лондон вернул себе право выступать крупнейшим международным финансовым центром. И поныне британская столица возглавляет список глобальных городов, наиболее благоприятных для притока международных инвестиций [Cushman&Wakefield 2019, p. 7].

COVID-19 и брекзит подвели черту под полувековым этапом неолиберальных экспериментов, благодаря которым Британия практически без ограничений черпала энергию из внешнего мира. Очевидно, наступило время, когда для восстановления экономической динамики Туманному Альбиону вновь придется обратиться к проверенным временем методам жесткого регулирования внутренней экономической активности.

Влияние COVID-19 на британскую экономику

Экономика Великобритании сильно пострадала от последствий пандемии коронавируса, что повлекло за собой самое глубокое падение ВВП среди стран Большой семерки, составившее 21,2% в первой половине 2020 г. Столь негативную реакцию рынка на по-

следствия пандемии возможно объяснить длительным периодом ограничительных мер правительства (локдауна), чрезвычайной ролью сферы услуг в структуре национального хозяйства и глубокой интеграцией британского бизнеса в мировую экономику.

Во время первой ковид-волны режим изоляции был введен в Великобритании позже (с чем также связывают повышенное количество летальных случаев от вируса) и на более длительное время, чем в ряде других европейских стран. Влияние ковид-шока на экономику было неравномерным. Наибольший спад наблюдался в сферах туризма, транспорта и развлечений. Относительно защищенными от последствий пандемии оказались отрасли, которые в основном смогли продолжить работу, соблюдая правила социального дистанцирования, такие как финансовые услуги, энергетика и сельское хозяйство.

Следует отметить, что британская экономика чрезвычайно зависима от сектора услуг, на который приходится порядка 80% ВВП. В октябре 2020 г. в 45 из 51 сферы услуг уровень производства был ниже, чем в феврале 2020 г. Больше всего пострадали воздушный транспорт (-83,5%), индустрия развлечений (-58,4%), железнодорожный транспорт (-51,8%) и гостиничный бизнес (-40,8%). Аналогичная ситуация наблюдалась в 27 из 44 обрабатывающих производств. Причем наиболее сильное падение было отмечено в отраслях по техническому обслуживанию самолетов (-36,3%) и их производству (-22,4%), производству оружия и боеприпасов (-24,8%), а также производству кокса и нефтепродуктов (-22,0%) [Office for National Statistics 2020^a].

В обрабатывающей промышленности Великобритании важную роль играет автомобильный сектор, на который приходится более 8% совокупного промышленного производства. Автомобильная промышленность Соединенного Королевства глубоко интегрирована в мировую экономику: в 2017 г. было экспортировано 80% от общего количества произведенных в стране автомобилей (по сравнению с 77% в 2015 г.) [Leeson 2019, p. 7]. Производство автомобилей в Великобритании в сентябре 2020 г. было на 5,0% ниже, чем в предыдущем году, главным образом из-за сокращения поставок в крупные зарубежные страны-импортеры, включая Китай, ЕС и США [Office for National Statistics 2020^b].

Несмотря на резкое падение экономической активности во втором квартале, занятость сохранилась на достаточно высоком уровне. В октябре 2020 г. уровень безработицы составлял 4,9%, что всего на 1,1% выше, чем годом ранее. Удержать работников и избежать банкротств помогли правительственные гранты, ссуды, налоговые каникулы и льготы для бизнеса. Быстрый рост безработицы (имевший место в США) был предотвращен, в частности, благодаря Схеме сохранения вакансий по коронавирусу (Coronavirus Job Retention Scheme – CJRS). С целью сохранить рабочие места в рамках этой схемы правительство выразило готовность компенсировать 80% заработной платы (но не более 2500 ф. ст.) сотрудникам компаний, отправленных в вынужденный отпуск в условиях локдауна. В свою очередь, в рамках Схемы поддержки дохода от самозанятости (Self-Employment Income Support Scheme – SEISS) самозанятые смогли получить налогооблагаемую субсидию в объеме до 80% от размера их предыдущего среднеарифметического заработка за последние три года.

Правительство предоставило юридическим лицам отсрочку налоговых платежей на сумму 40 млрд ф. ст. Более миллиона фирм взяли ссуды под гарантии правительства, а для компаний из сферы гостиничного бизнеса НДС был снижен с 20% до 5%. Банк Англии с марта дважды снижал ставку учетного процента с 0,75% до 0,1%, и увеличил до 895 млрд ф. ст. покупку корпоративных и государственных облигаций в рамках политики «количественного смягчения». В совокупности данные меры помогли сократить количество банкротств почти на треть по сравнению с 2019 г. Несмотря на такую поддержку, численность занятых с марта по сентябрь 2020 г. сократилась на 750 000 человек.

Введение вышеозначенных правительственных мер нанесло тяжелый и растущий урон государственным финансам. Правительство выделило огромные суммы на лечение

инфицированных, контроль над распространением коронавируса и смягчение его финансовых последствий для домохозяйств и предприятий. Превентивные налогово-бюджетные меры правительства могут привести к увеличению дефицита бюджета до 394 млрд ф.ст. (19% ВВП) и росту долга до 105% ВВП – самых высоких их показателей, соответственно, с 1944–1945 и 1959–1960 фискальных лет [Office for Budget Responsibility 2020, p. 5].

Резкому росту отношения государственного долга к ВВП благоприятствует тот факт, что правительство берет займы сроком до трех лет под отрицательные процентные ставки и имеет возможность выпускать долговые обязательства со сроком погашения на 50 лет и стоимостью обслуживания менее 0,5% годовых. Кроме того, большая часть государственного долга Соединенного Королевства имеет длительный срок погашения. В марте 2020 г. 42% обязательств долгового портфеля имели срок погашения более 15 лет, в то время как средний срок погашения государственных облигаций и казначейских векселей составлял 15 лет. По мнению экспертов ОЭСР, одной из мер снижения чувствительности государственного долга к повышению процентных ставок в среднесрочной и долгосрочной перспективе может стать фиксация низкой процентной ставки по долгосрочным займам для финансирования чрезвычайных расходов [OECD 2020, pp. 28–29].

Проблема низкой производительности

Помимо необходимости преодолеть негативные последствия ковидкризиса другой ключевой проблемой экономического развития Великобритании стало хроническое снижение производительности труда за последнее десятилетие. Его считают самым глубоким с начала промышленной революции, произошедшей 250 лет тому назад. Британские ученые связывают замедление роста производительности с длительным воздействием кризиса 2008 г. на финансовую систему, слабыми достижениями компьютерных технологий в последние годы после их бума в конце 1990-х и начале 2000-х гг., а также неопределенностью торговых отношений после брежзита, подрывающих инвестиции в сферу бизнеса [Partington 2020].

Замедление темпов роста производительности также характерно для США и других стран с развитой экономикой, но в Великобритании данная проблема проявляется наиболее резко: по темпам роста почасового производства в период 2008–2017 гг. страна заняла 31-е место среди 35 стран ОЭСР. Учитывая, что Великобритания занимает лидирующие позиции в сфере занятости с использованием ИКТ, где рост производительности наиболее высок, снижение общей производительности выглядит парадоксальным.

Среди ведущих британских экономистов существуют два широких подхода к объяснению этого феномена. Первый фокусируется на факторах предложения, включающих профессиональную квалификацию сотрудников. Второй подход обусловлен факторами спроса, связанными с финансовым кризисом, жесткой экономией и другими причинами медленного роста спроса в последнее десятилетие [Ilzetzki 2020].

С целью стимулировать производительность британское правительство с 2017 г. реализует амбициозную Промышленную стратегию, призванную к 2027 г. превратить Соединенное Королевство в наиболее инновационную экономику в мире. В частности, предполагается к 2027 г. увеличить общий объем инвестиций в НИОКР с 1,7% до 2,4% ВВП. К 2024–2025 гг. запланированы валовые капиталовложения на сумму около 640 млрд ф.ст. (в среднем 5,8% ВВП в год) [Department for Business, Energy and Industrial Strategy 2017]. Правительство взяло на себя обязательство к 2050 г. стать первой в мире экономикой с нулевыми выбросами углекислого газа в атмосферу. Следует подчеркнуть, что амбициозная Промышленная стратегия была принята на следующий год после референдума о членстве Великобритании в ЕС (2016 г.).

Будущее после брекзита

После четырех с половиной лет изнурительных переговоров 24 декабря 2020 г. Великобритания подписала Соглашение о торговле и сотрудничестве с ЕС, ознаменовавшее начало нового этапа торговых отношений в связи с официальным выходом страны из состава Союза 31 января 2020 г. Напомню, что первый референдум о целесообразности такого членства проходил еще в 1975 г. С тех пор различные движения и организации поддерживали евроскептические настроения. В начале 1990-х гг. именно для этих целей была создана Партия Независимости Соединенного Королевства (ПНСК), впоследствии получившая значительную часть средств из источников, близких к Лондонскому Сити [MacShane 2016, p. 145].

Среди причин неудовлетворенности членством Великобритании в ЕС чаще всего упоминали единую торговую, рыболовную и сельскохозяйственную политики, неэффективность общеевропейской фискальной и монетарной систем, социал-демократические подходы на рынке занятости, чрезмерную зарегулированность бизнеса, а также негативный торговый баланс [Бажан 2017, с. 57–64].

Анализируя Соглашение, можно заключить, что в нем нашли отражение принципиальные моменты, вызывавшие до сих пор наибольшую неприязнь британских евроскептиков. Вместе с тем большинство вопросов, касающихся будущих взаимоотношений между Великобританией и ЕС, остаются открытыми, требуя дополнительных переговоров и согласований.

С выходом из ЕС Великобритания освободилась от многочисленных общеевропейских ограничений и регуляторных практик. Вместе с тем страна перестала быть частью Единого европейского рынка – «четырёх свобод», обеспечивающих внутри единого европейского пространства беспрепятственное движение людей, товаров, услуг и капиталов. Концепцию Единого европейского рынка активно поддерживало правительство М.Тэтчер. С ее практической реализации в 1993 г. ведущие многонациональные компании, мотивированные устранением тарифных и нетарифных барьеров, стали переносить свои производства на Британские острова, чтобы иметь гарантированный свободный доступ к крупнейшему в мире рынку товаров и услуг. Высказывались мнения, что после брекзита модель общего рынка престанет работать [Islam 2021]. Однако произошло обратное – после 2016 г. ЕС форсировал заключение межконтинентальных торговых и инвестиционных соглашений, последовательно включая в орбиту своих экономических интересов таких весомых региональных игроков, как Канада, Мексика, Меркосур, Япония, Сингапур, Вьетнам, Австралия, Новая Зеландия и даже Китай.

Следует подчеркнуть, что ЕС – крупнейший внешнеэкономический партнер Великобритании, объем взаимной торговли между которыми в 2019 г. составил 668 млрд ф.ст. Между тем Соединенное Королевство имеет с ЕС отрицательный торговый баланс, достигший рекордных 79 млрд ф.ст. Напротив, в торговле с США у Великобритании зафиксирован рекордный положительный баланс в размере 51,7 млрд ф.ст., хотя торговый оборот почти втрое меньше, чем с ЕС (232 млрд ф.ст.) [Office for National Statistics 2020^c].

Одной из основных претензий Соединенного Королевства в бытность членом ЕС было то, что последний представляет собой таможенный союз, а не зону свободной торговли, что не позволяло Великобритании от собственного имени заключать выгодные торговые соглашения с другими странами, в первую очередь с США. Будучи сторонником брекзита, Д. Трамп пообещал, что Соединенные Штаты заключат выгодную торговую сделку с Великобританией после ее выхода из Европейского союза. Однако избранный президент Дж. Байден назвал брекзит ошибкой и исключил возможность заключения новых торговых соглашений с какой-либо страной до тех пор, пока, по его

словам, Соединенные Штаты не улучшат свою конкурентоспособность дома [Landler, Castle 2020].

В Великобритании располагается наибольшее количество штаб-квартир и филиалов крупнейших многонациональных компаний, включая ведущих европейских производителей товаров и услуг. По накопленному объему входящих прямых иностранных инвестиций (2,1 трлн долл. в 2019 г.) Соединенное Королевство опережает все остальные страны ЕС, уступая в мире по данному показателю только США [UNCTAD 2020]. Трудно представить, что формальный выход Великобритании из Единого европейского рынка слишком негативно отразится на крупном бизнесе, учитывая огромное политическое влияние этих компаний в своих странах.

Исходя из вышеизложенного, ни одна из сторон не заинтересована в ухудшении торговых отношений. Однако в Соглашении все выглядит не столь однозначно. Несмотря на достигнутую договоренность о бестарифном характере торговли, в случае отхода одной из сторон от общих стандартов на 31 декабря 2020 г. может быть задействован механизм разрешения спора (Совет экспертов для урегулирования споров – Joint Partnership Council) в виде новых тарифов. При этом Европейский суд больше не будет играть ключевую роль в контроле над исполнением Соглашения. Тем не менее его компетенции продолжают распространяться на Северную Ирландию, которая, в соответствии с условиями Соглашения, будет по-прежнему подчиняться правилам единого рынка и таможенного союза ЕС [Morris 2020].

Соглашение оставляет неопределенной будущую роль Лондонского Сити как крупнейшего европейского и ведущего международного финансового центра. Великобритания играет ключевую роль в управлении европейскими капиталами, внебиржевой торговле производными финансовыми инструментами и иностранной валютой. Так, Лондонский Сити осуществляет 75% клиринга производных финансовых инструментов, денонмированных в евро, на сумму эквивалентную около 1 квадриллиона долл. США, а расположенные в Великобритании банки управляют 40% европейских активов и 60% европейских рынков капитала [Пищик, Кузнецов, Алексеев 2019, с. 82–83].

Лондон предоставляет услуги глобального финансового посредничества европейским инвесторам и обеспечивает доступ на европейские рынки странам, не входящим в ЕС. В соответствии с Соглашением, с 2021 г. финансовые учреждения, расположенные в Великобритании, утратят так называемый «европейский паспорт», дающий право предоставлять финансовые услуги в любой точке Европейского союза без каких-либо дополнительных согласований с принимающей стороной. Доступ британских компаний на рынки ЕС отныне будет регулироваться по принципу «эквивалентности», который применяют в отношении третьих стран, если только между Соединенным Королевством и Европейским союзом не будет заключено дополнительное соглашение, упрощающее доступ британских компаний на европейские финансовые рынки. По оценке британского правительства, потеря европейского паспорта может на 13% увеличить расходы британских операторов по предоставлению финансовых услуг [HM Government 2018, p. 44]. Тем не менее в перспективе высока вероятность, что Лондонский Сити сохранит привлекательность для европейских клиентов, учитывая преимущества нормативно-правовой и институциональной базы Великобритании, включая защиту прав кредиторов и акционеров, налоговое регулирование и регулирование рынка занятости, а также исторический объем и ликвидность лондонского рынка.

В целом, на основании Соглашения в настоящее время сложно прогнозировать будущее отношений между ЕС и Великобританией. Очевидно одно – брекзит подстегнул ЕС к открытию своего экономического пространства для остального мира, приблизив воплощение мечты британских консерваторов о создании глобальной зоны свободной торговли [Липкин 2009, с. 98–99]. Можно утверждать, что 2020 г. стал переломным не только

для Великобритании, но и для всего мира. Брекзит и COVID-19 подтвердили окончательный износ неолиберальной парадигмы финансовой глобализации. Создание многополярного мира на новой технологической платформе требует нового общественного договора. Однако он представляется невозможным в условиях действующей конфигурации мировой валютной системы, основанной на кредитных деньгах и американоцентричных офшорных финансовых институтах.

Как отмечалось выше, Британия обладает уникальным опытом антикризисного регулирования посредством разработки и глобального распространения инновационных финансовых схем, позволяющих стабилизировать внутреннюю экономическую ситуацию за счет ресурсов остального мира [Темин, Вайнс 2015]. Не исключено, что постнеолиберальная концепция регулирования финансового сектора также будет основана на идеях британских экспертов. Рассмотрим одну из таких идей более детально.

Концепция суверенных денег

В Великобритании – на родине современного центрального банка – сегодня активно обсуждают различные варианты возвращения полного государственного контроля над сферой денежного обращения. В частности, предложения реформировать современную банковскую систему исходят от бывшего главы Банка Англии М. Кинга. По его мнению, в будущем риски, создаваемые при трансформации застрахованных вкладов населения в высокорисковые кредиты, должны нести финансовые учреждения, извлекающие выгоды из подобной «финансовой алхимии» [King 2016].

Кинг предлагает создать два типа банков для предотвращения системных рисков: «узкие» банки (*narrow banks*) и «широкие» банки (*wide banks*). Узким банкам следует обеспечивать свои депозиты 100%-ми резервами в форме высоколиквидных, безопасных активов, таких как государственные ценные бумаги и обязательные резервы, хранящиеся в центральном банке. Доходы узких банков при этом формируются исключительно за счет оказания платежных услуг. Наряду с узкими, Кинг предлагает создать «широкие» банки, к которым сегодня относятся разнообразные небанковские финансовые институты. Широкие банки могут заниматься финансированием всех остальных видов деятельности, и прежде всего – предоставлять рискованные кредиты частному сектору. Однако в отличие от узких банков, они не могут принимать депозиты до востребования или краткосрочные депозиты. Вместо этого широкие банки должны финансировать рискованные кредиты за счет выпуска акций или долгосрочных долговых обязательств. Такая система призвана предупредить финансовые злоупотребления, возникающие в результате разрыва связи между созданием денег и созданием кредита.

Второй аспект реформы, предложенной Кингом, – изменение функции центрального банка как кредитора последней инстанции. Он предлагает превратить центральный банк во всепогодного ломбардного брокера. Согласно данному инновационному подходу, любой банк (или другой финансовый посредник) должен заранее зарезервировать у центрального банка некоторую часть своих активов для их последующего использования в качестве залога (при необходимости с соответствующим дисконтом) под будущее предоставление в долг ликвидных средств. Соответственно, ликвидные активы банка должны превышать его ликвидные обязательства. По утверждению Кинга, такой подход может устранить проблему морального риска, связанную с выполнением центральным банком функции кредитора последней инстанции, и значительно упростить финансовое регулирование [Kliesen 2017].

Предложения М. Кинга – лишь часть более широкой концепции «суверенных денег», предлагающей реформировать банковскую систему таким образом, чтобы у частных банков не было возможности создавать новые деньги. Новые деньги в форме банковских

депозитов создаются, когда банки выдают кредиты, и уничтожаются, когда заемщик кредиты погашает. Проблема в том, что большинство новых денег, создаваемых при помощи банковского кредитования, идет не на финансирование производства или косвенно связанной с ним деятельности, а на покупку уже существующих активов, например недвижимости или ценных бумаг, с целью их перепродажи по более высоким ценам. Обращение Центробанков к такой нетрадиционной денежной политике, как «количественное смягчение» и околонулевые процентные ставки представляется не вполне адекватным ответом на данную проблему.

Идея «суверенных денег» берет свое начало в работе английского ученого, лауреата Нобелевской премии по химии Ф. Содди, опубликованной в 1926 г. Во время Великой депрессии американские экономисты Ф. Найт и Г. Саймонс представили идеи Содди президенту США Франклину Д. Рузвельту (позднее их популяризировал И. Фишер). С тех пор в различных вариантах идею «суверенных денег» разрабатывали М. Фридман, Д. Тобин, Х. Мински, Д. Кей и Л. Котликоф.

Совсем недавно экономисты Международного валютного фонда протестировали первоначальную модель суверенных денег Фишера на показателях современной экономики США и выявили «солидное подтверждение» всех заявленных преимуществ и дополнительных положительных эффектов этой модели [Kumhof, Benes 2012]. С тех пор идею суверенных денег, помимо бывшего управляющего Банка Англии Кинга, поддержали и развили главный экономический обозреватель The Financial Times М. Вольф, бывший председатель Управления по финансовым услугам Великобритании Э. Тернер, а также вице-президент Европейского центрального банка В. Констанцио [Dyson, Hodgson, Van Lerven 2016].

Технически идея суверенных денег заключается в распространении исключительного права на создание денег, закрепленного в конституционном порядке за центральными банками многих государств, также на балансы коммерческих банков, что лишит последние возможности создавать деньги за счет депозитов до востребования и срочных банковских депозитов.

В системе суверенных денег создание коммерческими банками обязательных резервов в центральных банках становится излишним, потому что все деньги обретают статус резервных. В связи со значительным упрощением банковского бизнеса и банковского баланса в системе суверенных денег представляется нецелесообразным предложение создать систему 100%-го банковского резервирования [Felber 2017, pp. 45–47].

Основное ограничение системы суверенных денег заключается в том, что центральный банк, действуя как центральный планировщик для их создания, должен обладать гораздо большим объемом информации, чем в современных условиях. Другое ограничение – коммерческие банки из-за нехватки денег центрального банка не всегда могут использовать привлекательные возможности кредитования. Следовательно, эластичность банковского кредитования в реальной экономике, как правило, выше в действующей системе, чем в системе суверенных денег [Gersbach 2018].

Концепция суверенных денег не противоречит тенденции перевода мировой экономики на цифровую платформу, предполагающую беспрецедентную централизацию системы денежного обращения, если денежные эмитенты получают неограниченный доступ к Большим данным. Отметим, что Великобритания лидирует среди крупнейших экономик Европы по уровню цифровизации национальной экономики [Euroreap Commission 2020]. В 2009–2019 гг. доля наличных платежей в Соединенном Королевстве сократилась с 58% до 23% [UK Finance 2020, p. 3]. Данные тенденции идут в унисон с подготовительными работами Банка Англии по переводу национальной валюты на цифровую основу [Bank of England 2020]. Цифровизация фунта стерлингов рассматривается в качестве инструмента, который повысит безопасность и эффективность платежей,

упростит международные переводы, снизит риски эмиссии частных валют, активизирует цифровизацию экономики.

Можно предположить, что даже частичная реализация концепции суверенных денег в совокупности с успешным введением цифрового фунта может не только обеспечить Великобритании финансовую опору для масштабных национальных проектов в эпоху четвертой промышленной революции, но и послужит примером антикризисного регулирования другим странам.

* * *

На протяжении столетий финансовые инновации служили неизменным фактором восстановления ведущих позиций Великобритании на международной арене. До сих пор политическая и экономическая устойчивость британского государства во многом зависела от постоянного следования ключевым принципам англосаксонской социально-экономической модели. Будущее покажет, насколько приверженность данным принципам поможет Соединенному Королевству сохранить роль медиатора отношений между Старым и Новым Светом в условиях формирующейся технологической парадигмы полицентричного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажан А.И. (ред.) (2017) Экономические аспекты Брекзита. М.: Ин-т Европы РАН.
Липкин М.А. (2009) Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС (1957–1974 гг.). СПб.: Алетейя.
Пикетти Т. (2016) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
Пищик В.Я., Кузнецов А.В., Алексеев П.В. (2019) Европейский экономический и валютный союз: 20 лет спустя // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. №. 9. С. 76–85.
Темин П., Вайнс Д. (2015) Экономика без лидера. Почему рассыпалась мировая экономическая система и как ее собрать. М.: Изд-во Института Гайдара.

REFERENCES

- Bank of England (2020) *Central Bank Digital Currency: Opportunities, Challenges and Design*. March 2020 (<https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design.pdf>).
- Bazhan A.I. (ed.) (2017) *Ekonomicheskie aspekty Brekzita* [Brexite Economic Aspects]. Moscow: Institute of Europe RAS. Reports of the Institute of Europe № 345. (In Russ.).
- Chang H.-J. (2002) *Kicking Away the Ladder: How the Economic and Intellectual Histories of Capitalism Have Been Re-Written to Justify Neo-Liberal Capitalism*. London: Anthem Press.
- Cornell University, INSEAD, WIPO (2020) *The Global Innovation Index 2020* (<https://www.globalinnovationindex.org/Home>).
- Cushman&Wakefield (2019) *Winning in Growth Cities Report*. 10 July 2019 (<https://www.cushmanwakefield.com/en/insights/winning-in-growth-cities>).
- Department for Business, Energy and Industrial Strategy (2017) *Industrial Strategy: Building a Britain Fit for the Future*. 27 November 2017 (<https://www.gov.uk/government/publications/industrial-strategy-building-a-britain-fit-for-the-future>).
- Dyson B., Hodgson G., Van Lerven F. (2016) *Sovereign Money: an Introduction*. London: Positive Money (<https://positivemoney.org/our-proposals/sovereign-money-introduction/>).
- Eichengreen B., Chițu L., Mehl A. (2014) Stability or Upheaval? The Currency Composition of International Reserves in the Long Run. *European Central Bank Working Paper*, no. 1715 (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwpwps/ecbwp1715.pdf>).
- European Commission (2020) *The Digital Economy and Society Index* (<https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/digital-economy-and-society-index-desi>).

- Felber C. (2017) *Money – The New Rules of The Game*. Vienna: Springer.
- Gersbach H. (2018) *Sovereign Money: A Challenge for Science*. CEPR Policy Portal. 31 October 2018 (<https://voxeu.org/article/sovereign-money-challenge-science>).
- HM Government (2018) *EU Exit Long-Term Economic Analysis*. November 2018 (https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/760484/28_November_EU_Exit_-_Long-term_economic_analysis__1_.pdf).
- Ilzetzki E. (2020) If the UK is High Tech, why is Productivity Growth Slow? Economists Weigh in. *London School of Economics blog* (<https://blogs.lse.ac.uk/businessreview/2020/03/07/if-the-uk-is-high-tech-why-is-productivity-growth-slow-economists-weigh-in/>).
- IMF (2020) *World Economic Outlook Database*. October 2020 (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October>).
- Islam F. (2021) Adieu to the Single Market Created by the UK. *BBC*. 01 January 2021 (<https://www.bbc.com/news/business-55494101>).
- King M. (2016) *The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy*. London: Little, Brown Book Group.
- Kliesen K. L. (2017) The End of Alchemy: Money, Banking, and the Future of the Global Economy. *Business Economics, Palgrave Macmillan; National Association for Business Economics*, vol. 52, no. 3, pp. 181–183.
- Kumhof M., Benes J. (2012) The Chicago Plan Revisited. *IMF Working Paper*, no. 12/202 (<https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/The-Chicago-Plan-Revisited-26178>).
- Landler M., Castle S. (2020) Britain and E.U. Reach Landmark Deal on Brexit. *The New York Times*. December 24, 2020 (<https://www.nytimes.com/2020/12/24/world/europe/brexit-trade-deal-uk-eu.html>).
- Leeson T. (2019) Brexit and the UK Automotive Industry: Understanding the Impact. *OpenText and Centre for Brexit Studies, Birmigham City University* (<https://bcuassets.blob.core.windows.net/docs/report-for-opentext--deliverable-b-final-131880562823173347.pdf>).
- Lipkin M.A. (2009) *Britaniya v poiskakh Evropy: dolgii put' v EES (1957–1974 gg.)* [Britain in Search of Europe: A Long Road to the EEC (1957–1974)]. St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.).
- MacShane D. (2016) *Brexit: How Britain Will Leave Europe*. London-New York: I.B. Tauris.
- Morris C. (2020) Brexit Deal: What is in It? *BBC*. 28 December 2020 (<https://www.bbc.com/news/55252388>).
- OECD (2020) *OECD Economic Surveys: United Kingdom 2020*. Paris: OECD Publishing. 126 p. (<https://doi.org/10.1787/2f684241-en>).
- Office for Budget Responsibility (2020) *Economic and Fiscal Outlook – November 2020* (http://cdn.obr.uk/CCS1020397650-001_OBR-November2020-EFO-v2-Web-accessible.pdf).
- Office for National Statistics (2020^a) *Coronavirus and the Impact on Output in the UK Economy: October 2020*. 10 December 2020 (<https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/articles/coronavirusandtheimpactonoutputintheukeconomy/october2020>).
- Office for National Statistics (2020^b) *GDP Quarterly National Accounts, UK: July to September 2020*. 22 December 2020 (<https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/bulletins/quarterlynationalaccounts/julytoseptember2020>).
- Office for National Statistics (2020^c) *UK Balance of Payments, The Pink Book: 2020*. 30 October 2020 (<https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/bulletins/unitedkingdombalanceofpaymentsthepinkbook/2020>).
- Partington R. (2020) UK Productivity Slowdown Worst since Industrial Revolution – Study. *The Guardian*. 03 February 2020 (<https://www.theguardian.com/business/2020/feb/03/uk-productivity-slowdown-worst-since-industrial-revolution-study>).
- Piketty T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty First Century]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.).
- Pirie M. (2010) *The Anglo-Saxon model of capitalism*. Madsen Pirie's official site (<https://madsen-pirie.com/the-things-that-i-do/communicating/the-anglo-saxon-model-of-capitalism/>).
- Pishchik V.Y., Kuznetsov A.V., Alekseev P.V. (2019) Evropeiskii ekonomicheskii i valyutnyi soyuz: 20 let spustya [European economic and monetary union: 20 years after]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 9, pp. 76–85 (In Russ.).
- Reinert E. S. (2008) *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*. London: Constable.

Shaxson N. (2018) *The Finance Curse: How Global Finance is Making Us All Poorer*. London: The Bodley Head.

Temin P., Vines D. (2015) *Ekonomika bez lidera. Pochemu rassypalas' mirovaya ekonomicheskaya sistema i kak ee sobrat'* [The Leaderless Economy: Why the World Economic System Fell Apart and How to Fix It]. Moscow: Isd-vo In-ta Gaidara. (In Russ.).

The World Bank (2019) *Doing Business 2020*. October 24, 2019 (<https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2020>).

The World Bank (2020) *Exports of Goods and Services* (<https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.GNFS.CD>).

The CityUK (2020) *Key Facts about the UK as an International Financial Centre 2020*. December 2020 (<https://www.thecityuk.com/research/key-facts-about-the-uk-as-an-international-financial-centre-2020/>).

UK Finance (2020) *UK Payment Markets Summary 2020*. June 2020 (<https://www.ukfinance.org.uk/system/files/UK-Payment-Markets-Report-2020-SUMMARY.pdf>).

UNCTAD (2020) *World Investment Report 2020* (<https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2020>).